

ЭВОЛЮЦИОННЫЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

ВОЛЬЧИК В.В.,

доктор экономических наук, профессор,
Южный федеральный университет,
e-mail: volchik@sfedu.ru

В статье рассматриваются различные исследовательские инструменты и подходы к анализу институциональных изменений. Институциональные изменения анализируются сквозь призму эволюционного подхода, что позволяет рассматривать хозяйственные порядки как адаптивно-сложные системы. Важное внимание уделяется роли коллективных действий и механизмов правовых систем в процессе формирования и изменения институтов.

Ключевые слова: институциональные изменения; естественное государство; порядок открытого доступа; коллективные действия; интерпретативная институциональная экономика.

The article deals with various approaches and research tools apt to institutional change analysis. Institutional change is analyzed from evolutionary approach which permits us to treat economic orders as adaptively complex systems. Special attention is paid to the role of collective action and mechanisms of law systems during institutional formation and change.

Keywords: institutional change; natural state; open access order; collective action; interpretative institutional economics.

Коды классификатора JEL: B52, Z13, B50.

1

В рамках многочисленных течений институционализма в экономической теории признается важность изучения проблемы институциональных изменений. Однако теории институциональных изменений представляют собой скорее множество совершенно не стыкующихся осколков таинственного пазла, чем величественное здание структурированных теорий и концепций.

Одной из отличительных черт институционализма как течения экономической теории является эволюционный подход к анализу экономических явлений. Причем, рассматривая динамику экономических порядков, институционалисты особое внимание уделяют изменению качественных (институциональных) характеристик хозяйственных систем. Сложности исследования процесса эволюции институтов приводили в дискуссиях к обвинению преимущественно старых (традиционных) институционалистов в нетеоретическом или даже антитеоретическом анализе институциональной динамики [29]. Однако новые институционалисты также далеко не продвинулись в понимании процесса институциональных изменений, концентрируясь скорее на интерпретации механизмов реализации правил и институтов, а не на объяснении их формирования и эволюции.

Экономисты не являются пионерами в исследовании институциональных изменений. Наряду с экономической наукой более широкий класс теорий социального изменения вклю-

чает работы в рамках социологии, политической науки, истории, а также социальной антропологии. Неслучайно свою книгу о критике теорий социального изменения Р. Будон назвал «Место беспорядка» [2]. Беспорядок в теориях социальных изменений не обошел и экономистов, разрабатывающих теории институциональных изменений в различных хозяйственных порядках.

Построение всеобъемлющей теории институциональных изменений невозможно в рамках одной из социальных наук [30], и здесь экономический империализм, или какой-либо иной, может только помешать этому. Экономическая теория за последние сто лет, безусловно, значительно продвинулась в понимании процесса качественной институциональной динамики, но успехи могли бы быть еще более значительными, не будь победного шествия формализма в ней самой. Концентрация на частных формальных и игровых механизмах реализации правил мало помогает в понимании процессов возникновения и изменения правил и институтов в контексте конкретных исторических, антропологических и культурных условий.

2

Эволюционный характер институциональных изменений выводит на первый план две важные проблемы. Во-первых, эволюционные процессы в экономике являются неэргодическими по своей природе. Во-вторых, экономика является адаптивно-сложной системой. Поэтому рассматривать институциональные изменения через призму известной формулы Г. Спенсера как «выживание самых приспособленных» представляется не всегда возможным или даже целесообразным [19].

Изменения институтов неизбежно порождают реакцию со стороны включенных в их действие организаций, групп специальных интересов и индивидов [8]. Такая реакция является фактором того, что социальные порядки представляют собой адаптивно-сложные и неэргодические системы [1].

В большинстве неоклассических исследований экономика рассматривается как эргодическая система, где под эргодичностью понимается свойство динамической системы, состоящее в том, что в процессе эволюции почти каждая ее точка с определенной правильностью проходит вблизи любой другой точки системы. Реальный мир, в котором мы живем, является неэргодичным — этот мир новых постоянно возникающих изменений. Норт отмечает, что, создавая и изменяя социум и его институты, мы сталкиваемся с уникальными явлениями по сравнению со всем, что имело место в прошлом [13]. Если мы рассматриваем экономику как неэргодическую систему, то также должны принимать во внимание фундаментальную неопределенность, т. е. ситуацию, когда нужная для принятия решения информация еще не создана [15].

Фундаментальная неопределенность, присущая социальным порядкам вообще и экономическим в частности, и является основной причиной существования правил, а следовательно и институтов. Как отмечал Хайек: «Человек развил правила поведения не потому, что ему известны все последствия отдельного действия, а потому, что они ему неизвестны» [21, с. 188].

Как уже отмечалось, экономика является адаптивно-сложной системой. Как показал Б. Артур, существуют две причины, в силу которых аппарат совершенной (или дедуктивной) рациональности разрушается при усложнении рассматриваемых проблем. Одна, очевидная, причина состоит в том, что за пределами определенной степени усложнения наш логический аппарат перестает «справляться с обязанностями» — наша рациональность ограничена. Другая причина заключается в том, что в интерактивных сложных ситуациях агенты не могут полагаться на пример поведения других агентов, т. е. поступать подобно тому, как они действуют при совершенной рациональности. В такой ситуации они вынуждены отгадывать это поведение. Данное обстоятельство помещает их в мир субъективных мнений, а также субъективных мнений по поводу субъективных мнений [24, 1].

Важно понимать, что создавая правила, мы изменяем саму среду, в которой продолжают эволюционировать эти же самые и другие правила, возникающие как реакция на изменения правил. Это ни что иное, как проявление характеристик социальной системы как эволюционирующей и адаптивно-сложной. Мы не можем предвидеть реакции на изменение правил. Более того, адаптация к правилам, с одной стороны, зависит от прошлого опыта акторов, а с другой — от их восприятия изменившегося настоящего через призму существующих познавательных паттернов, формирующихся индуктивно.

Объяснению институциональных изменений с позиций эволюционной парадигмы может способствовать включение в анализ феномена экзаптации институтов. Под экзаптацией обычно понимается использование уже существующей структуры для новых функций (которые для нее не были запланированы). Экзаптация не является прямым следствием естественного отбора, а представляет собой нейтральную поведенческую вариацию, которая со временем могла оказаться полезной и способной повысить приспособленность практикующих ее индивидов [6]. Экзаптация правил и институтов изменяет пространство возможностей, формируемое институциональной организацией экономики, отличное от первоначального направления институциональных реформ.

Для процесса экзаптации важными являются временной аспект и исторический контекст, которые определяют траекторию для отбора институтов. Исторически обусловленные провалы государственного регулирования часто являются следствиями экзаптации, что может быть проиллюстрировано известной формулой — «хотели как лучше, а получилось как всегда».

Институты могут представлять собой симулякры, которые вследствие экзаптации совершенно не выполняют функций, ассоциированных с их титульным названием. В порядках с ограниченным доступом (естественных государствах) институты будут представлять собой не одно и то же по выполняемым функциям в сравнении с порядком открытого доступа. При реформировании и особенно импорте институтов необходимо понимать, что в естественном государстве вследствие экзаптации импортируемые институты не будут выполнять большинства функций, которые они выполняли в порядках открытого доступа.

3

Если экономисты и знают, что такое «хорошие» или эффективные институты, то точно не могут выписать рецепта для стран с «плохими» или неэффективными институтами. Почему так происходит? И можно ли улучшить эту ситуацию? Данные вопросы не являются риторическими, но ответы на них вряд ли можно свести к построению формальных моделей, например, снижения коррупции при принятии нового антикоррупционного законодательства. Для естественных государств, в терминологии Норта, Уолиса и Вайнгаста, институты, порождающие коррупционное поведение, выполняют важную функцию обеспечения стабильности порядка с ограниченным доступом, и разрушение таких институтов может уничтожить или дестабилизировать ситуацию в конкретном национальном хозяйственном порядке [14].

Длительная стабильность порядков с «плохими институтами» показывает, что естественные государства или порядки с ограниченным доступом представляют собой своеобразную норму функционирования социальных институтов, это необходимо учитывать при планировании и осуществлении институциональных реформ.

Формирование эффективных экономических институтов возможно при условии стабильности социального порядка. Но исторически самыми распространенными, а зачастую и самыми стабильными порядками являлись и являются естественные государства, представляющие собой различные вариации порядков ограниченного доступа, где доминируют субоптимальные институты, по сравнению с порядками открытого доступа.

Разнообразие и адаптивная эффективность институтов способствуют стабильности экономических, а в более широком смысле, и социальных порядков. Адаптивная эффективность — способность некоторых обществ справляться с потрясениями, гибко приспособ-

сабливаясь к ним, и формировать институты, которые эффективно работают с измененной «реальностью» [13]. Чем разнообразнее институты в хозяйственном порядке, тем легче происходит адаптация к различным шокам, таким как экономические кризисы. Однако институциональные изменения в современном мире связаны с влиянием глобализации и международных организаций на процесс внедрения глобальных стандартных институтов (ГСИ) [25]. Внедрение ГСИ является, с одной стороны, частным случаем импорта институтов, а с другой — отражением процесса стандартизации механизмов экономического регулирования. Данные процессы могут оцениваться неоднозначно по отношению к экономической эффективности по причине того, что такие изменения препятствуют институциональному разнообразию, что неизбежно будет сказываться на адаптивной эффективности институтов.

Изменения институтов нельзя рассматривать вне контекста институциональной организации экономики. Термин институциональная организация экономики используется для констатации проблемы сложности. Использование слова «организация» не значит, что «институциональная организация» экономики создается сознательно в соответствии с какими-либо целями. Институциональная организация экономики является трехуровневой. Три уровня это: институциональный порядок (*institutional order*), институциональная среда (*institutional environment*) и институциональная структура (*institutional arrangement*) [5]. Сама природа институциональных изменений в зависимости от уровней институциональной организации экономики будет различной. Эволюционные спонтанные институциональные изменения преобладают на уровнях институционального порядка и институциональной среды, а целенаправленные на уровне институциональной структуры. Однако качество институтов зависит от множества факторов, которые часто невозможно четко специфицировать *ex ante*. Такие события, влияющие на формирование институтов, можно отнести к классу «случайных исторических событий», которые рассматривались Б. Артуром в контексте зависимости от предшествующей траектории развития [23].

Неравновесия на различных уровнях институциональной организации хозяйственного порядка могут также рассматриваться через призму некомплементарности как горизонтальной (в рамках одного уровня иерархии), так и вертикальной (между различными уровнями иерархии) [5]. Важно понимать саму ограниченность рационального изменения институтов, возможность экзоптации институтов и, следовательно, выполнения ими не предусмотренных при внедрении функций, а также учитывать историческую обусловленность эволюции институциональной организации хозяйственного порядка. Институты, чтобы способствовать расширению и увеличению интенсивности обменов, должны вырастать вместе с неявным знанием из рыночного процесса.

Институциональные изменения не обошли стороной и саму экономическую науку. Можно сказать, что экономическая теория, начиная с 40-х гг. XX в., вследствие эффекта блокировки попала в «колею», которая обусловила ее дальнейшее развитие вплоть до настоящего времени. Концепт зависимости от предшествующей траектории развития (*path dependence*) оказался вполне применим к эволюции экономической науки [3]. Институты инертны и не обладают достаточной гибкостью, чтобы препятствовать доминирующим группам специальных интересов посредством коллективных действий проводить академическую политику, результатом которой является падение авторитета профессии академического экономиста, что в итоге приводит к депрофессионализации [28].

Сегодняшняя дифференциация между различными национальными хозяйственными порядками по качеству и результативности экономических институтов зависит от траектории развития, первоначально существующих институтов, а также от прошлых процессов институциональных изменений [22]. Дрейф институтов (*institutional drift*) может рассматриваться по аналогии с дрейфом генов как процесс, имеющий случайную природу, что также связано с проблемой случайных исторических событий, которая является отправной точкой для анализа закрепления институционального развития (*lock in*) на определенной траектории [23]. Эволюция институтов будет также зависеть от количества групп

специальных интересов, включенных в действие того или иного института. В случае критического стечения обстоятельств, соответствующих эффекту «бутылочного горлышка» [3], траектория дальнейшей эволюции институтов будет во многом определяться начальным «запасом» правил и институтов, поддерживаемых группами интересов, которые доминируют в данный момент в том или ином хозяйственном порядке.

Противоречие между спонтанными эволюционными процессами и сознательным изменением институтов в ходе экономических реформ можно рассмотреть также в контексте взаимодействия институтов и механизмов регулирования. Институты традиционно понимаются как правила, механизмы, обеспечивающие их выполнение, и нормы поведения, которые структурируют повторяющиеся взаимодействия между людьми [12, с. 73]. В данной работе мы придерживаемся этого понимания институтов. Наряду с институтами значительное влияние на экономическое развитие оказывают механизмы регулирования. Последние представляют собой класс властных связей и отношений, возникающих в результате организации хозяйственных процессов в рамках государственных и корпоративных структур и иных организаций [4].

Решение вопросов, связанных с проведением экономической политики, неизбежно в современном мире соприкасается с проблемой создания и изменения институтов. Но вначале создаются правила, которые можно отнести скорее к механизмам регулирования. Такие механизмы регулирования имеют телеологическую природу и не могут быть отнесены к универсальным и справедливым правилам. В обществах открытого доступа существуют процедуры, которые позволяют ограничить действие механизмов регулирования, когда они препятствуют функционированию сложившихся базовых институтов, например, собственности. Важно также существование в правовой системе необходимых процедур, которые преобразуют механизмы регулирования в процессе правоприменения в универсальные правила, на которых основываются институты порядка открытого доступа. Коммонс блестяще показал, как в системе общего права формируются правовые основания капитализма в обществе, где доминирует общее право (*common law*) [11].

Большая часть правил поведения, таким образом, не получена интеллектуальным путем из знания фактов окружения, а состоит единственно из приспособления человека к этим фактам, т. е. «неосознанного знания» о них, не представленного в концептуальной мысли, а проявляющегося в правилах, которым мы следуем в наших действиях [21, с. 189].

Как отмечал Д. Норт, институты должны находить объяснение в терминах интенциональности человека [13]. Следовательно, исследуя вопрос институциональных изменений, мы не можем обойти данную проблему, которая особенно важна при исследовании экономического поведения в контексте изменения институтов. При планировании институциональных реформ важно адекватно представлять проблему, которая подлежит институциональному регулированию. Здесь необходимо принимать во внимание человеческую интенциональность и проблему «социального иллюзионизма» [18].

Согласно подходу Дж. Серля: «Интенциональность имеет отношение к тому аспекту психических состояний человека, благодаря которому они направлены на положение дел в мире, находящемся вне их... Убеждения, страхи, надежды, желания и стремления — все это суть интенциональные состояния, равно как и любовь и ненависть, опасения и радость, гордость и стыд» [17, с. 52]. Серль отмечает, что наши интенции могут не всегда адекватно соответствовать тем или иным случаям выбора (если вы не сделали то, что намеревались сделать, значит вы изначально установили для себя неверные предпосылки и ваша интенция не принадлежит к числу правильных интенций) [17, с. 40]. Исследование интенциональности человека в связи с институциональными изменениями должно осуществляться в рамках дискурсивного подхода. Использование дискурсивного подхода в качественных экономических исследованиях позволяет уйти от сочинения «басен» к выявлению действующих правил, которые рассматриваются основными акторами как актуальные в контексте специфической институциональной организации того или иного хозяйственного порядка [16].

4

Переход от естественного государства (порядка ограниченного доступа) к порядку открытого доступа во многом зависит от коллективных действий элит или иначе — элит, которые образуют влиятельные группы специальных интересов [14]. Доминирующим группам специальных интересов должен быть выгоден переход от естественного государства к порядку открытого доступа. На пути такого перехода множество препятствий, связанных с историческими особенностями развития институциональной организации общества, а также формированием предпосылок для создания механизмов трансформации институтов, необходимых для функционирования порядка открытого доступа. На этом пути есть очень серьезные препятствия. Одним из таких препятствий является национальная ориентированность (неориентированность) элит. Несмотря на глобализацию, институциональные режимы стран сильно отличаются между собой. Национально не ориентированные элиты могут иметь более сильные стимулы в разделении своих интересов между разными странами, что препятствует трансформации институциональной организации в направлении к порядку открытого доступа. Поэтому элиты могут в одних странах (естественных государствах) заниматься извлечением прибыли, используя свои властные и институциональные распределительные преимущества, а в других странах, (порядках открытого доступа) непосредственно проживать как на временной, так и на постоянной основе.

Несмотря на фундаментальную неопределенность, связанную с взаимоадаптацией институциональных инноваций и основных акторов, построение классификаций и исторические исследования организационных форм и групп специальных интересов представляются очень важными особенно в контексте эволюции сложных форм экономической координации в усложняющемся мире.

Функционирование неэффективных институтов может приводить к кризису. Но это не значит, что неэффективные институты, возникающие вследствие действий групп специальных интересов, являются исключительно результатом эволюции институциональной организации хозяйственного порядка. Неэффективные институты могут быть побочной реакцией на меры экономической политики.

В рамках традиционной институциональной экономики проблема коллективных действий впервые и наиболее глубоко была исследована Джоном Коммонсом. Коммонс определял институты через коллективное действие: «институт — коллективное действие по контролю, освобождению и расширению индивидуального действия» [26].

Поскольку экономические блага ограничены, их приобретение регулируется коллективным действием. Коллективное действие создает права и обязанности в отношении собственности и свобод, без которых в обществе царил бы анархия. Институциональная экономика предоставляет коллективному действию собственное место в разрешении конфликтов и сохранении порядка в мире ограниченных ресурсов, частной собственности и противоречий [27, р. 7]. Властные структуры должны использовать действующие нормы (правила) для поощрения кооперации в производстве и обмене, а также в решении множества серьезных проблем, возникших вследствие погони за собственной выгодой в результате экономических взаимодействий. В контексте подхода Дж. Коммонса эти функции не возникают автоматически согласно «системе естественных свобод» Смита, но должны порождаться соответствующими стимулами, созданными «видимой рукой государства», и приводиться в жизнь с помощью различных санкций, включая угрозу физического насилия [27].

Коллективные действия и институты рассматриваются Дж. Коммонсом через призму механизмов общего права (*common law*), однако еще недостаточно исследований данных вопросов в рамках других правовых систем, например, континентального права. Так же требуют дальнейшего сравнительного исследования механизмы изменения формальных институтов в рамках частного и публичного права. Возможно, дальнейшие исследования конкретных институциональных изменений дадут нам основания для обобщений, которые послужат фундаментом для новых теорий институциональных изменений.

5

Перефразируя известное выражение Хайека о том, что культура представляет собой передачу во времени совокупного объема знаний [20], можно сказать, что институты представляют собой передачу во времени неявного знания, созданного ранее акторами в результате рыночных взаимодействий. Спонтанные взаимодействия в ходе рыночного обмена создают знание, которое закрепляется в институтах [7].

Спонтанность формирования институтов не означает, что мы не можем влиять на процесс их эволюции. Более того, государственная экономическая политика, меняя правила игры, неизбежно отражается как на процессе формирования неявного знания, так и на процессе формирования и изменения институтов.

Изменяя институты, необходимо четко представлять пределы и возможности их сознательного изменения. Экономическая наука должна способствовать процессу идентификации существующих институтов. Интерпретативная институциональная экономическая теория разрабатывает теоретические и эмпирические инструменты для выявления релевантных институтов

Институты не всегда легко выявить в контексте социальных и экономических взаимодействий. Если формальные институты, хотя бы вследствие своей природы, явно отражены в письменных источниках, то неформальные институты могут быть выявлены только в контексте дискурса акторов [9, 10].

Активизации качественных институциональных исследований может способствовать регулярный институциональный мониторинг.

Институциональный мониторинг должен включать:

- исследования текстов нормативных актов;
- проведение интервью с акторами, занятыми в различных отраслях экономики;
- обобщение и анализ полученных данных для выработки адекватного представления о состоянии институциональной организации региональной и национальной экономики.

Трудности на пути создания непротиворечивой теории институциональных изменений не означают, что надо оставить все попытки теоретизирования в этой сфере и сконцентрироваться на эмпирических исследованиях. Обилие эмпирических, особенно количественных статистических и эконометрических работ несильно помогает экономической науке адекватно отвечать на вызовы времени, что отчетливо продемонстрировал кризис, начавшийся в 2008 г. И, хотя количественные исследования всегда будут по своей наукообразности и объективности опережать качественные, экономистам стоит обратить внимание прежде всего на последние. Описательные, историчные, нормативные исследования институтов способствуют накоплению багажа, который в будущем может послужить основой для разработки более совершенных теорий институциональных трансформаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Артур Б.* Индуктивное мышление и ограниченная рациональность // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2003. Т. 1. № 1. С. 53–61.
2. *Будон Р.* Место беспорядка. Критика теорий институциональных изменений. М.: Аспект Пресс, 1998.
3. *Вольчик В.В.* Провалы экономической теории и зависимость от предшествующего пути развития // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2003. Т. 1. № 3.
4. *Вольчик В.В.* Эволюция институтов постиндустриальной экономики в контексте дихотомии Веблена // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2008. Т. 6. № 2.
5. *Вольчик В.В., Бережной И.В.* Иерархия и комплементарность институтов в рамках хозяйственного порядка // TERRA ECONOMICUS. 2009. Т. 7. № 2.
6. *Вольчик В.В., Бережной И.В.* Отбор и экзактация институтов: роль групп специальных интересов (глава 8) // Эволюционная и институциональная экономическая теория: дискус-

- сии, методы и приложения / Под ред. А.Ю. Архипова, С.Г. Кирдиной, Е.М. Мартишина. СПб: Алетейя, 2012.
7. Вольчик В.В. Институты, экономическая координация и неявное знание // TERRA ECONOMICUS. 2011. Т. 9. № 2.
 8. Вольчик В.В., Бережной И.В. Группы интересов и качество экономических институтов // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2007. Т. 5. № 2
 9. Ефимов В.М. Дискурсивный анализ в экономике: пересмотр методологии и истории экономической науки // JOURNAL OF ECONOMIC REGULATION (Вопросы регулирования экономики). 2011. Т. 2. № 3.
 10. Ефимов В.М. Дискурсивный анализ в экономике: пересмотр методологии и истории экономической науки // Экономическая социология. 2011. Т. 12. №3.
 11. Коммонс Дж. Правовые основания капитализма. М.: Изд-во ГУ-ВШЭ, 2011.
 12. Норт Д. Институты и экономический рост: историческое введение // THESIS. 1993. Т. 1. Вып. 2.
 13. Норт Д. Понимание процесса экономических изменений. М.: Изд-во ГУ-ВШЭ, 2010.
 14. Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд. Института Гайдара, 2011.
 15. Розмаинский И.В. Денежная экономика как основной «предметный мир» посткейнсианской теории // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2007. Т. 5. № 3.
 16. Рубинштейн Ар. Дилеммы экономиста-теоретика // Вопросы экономики. 2008. № 11.
 17. Серль Дж. Рациональность в действии. М.: Прогресс-Традиция, 2002.
 18. Сорокин П.А. Голод как фактор. Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь. М.: Academia & LVS, 2003.
 19. Спенсер Г. Опыты научные, политические и философские: в 2 т. Т. 1. Минск, 1998.
 20. Хайек Ф.А. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. М., 1992.
 21. Хайек Ф. Право, законодательство и свобода: Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики. М.: ИРИСЭН, 2006.
 22. Acemoglu D., Robinson J.A. Why nations fail: the origins of power, prosperity, and poverty. New York: Crown Publishers, 2012.
 23. Arthur W.B. Competing Technologies, Increasing Returns, and Lock-In by Historical Events // The Economic Journal. Mar., 1989. V. 99. No. 394.
 24. Arthur W.B. Inductive Reasoning and Bounded Rationality // American Economic Review. May 1994. Vol. 84. No. 2. P. 406–411.
 25. Chang Ha-Joon Institutions and economic development: theory, policy and history // Journal of Institutional Economics. 2011. Vol. 7. Issue 4.
 26. Commons J.R. Institutional Economics // American Economic Review. 1931. Vol. 21. P. 651.
 27. Commons J.R. Institutional economics its place in political economy. News Brunswick (NJ) USA: Transaction Publishers, 1990.
 28. Hellström T. Between a rock and a hard place: Academic institutional change and the problem of collective action // Higher Education. 2004. Vol. 48. P. 511–528.
 29. Hodgson Geoffrey M. The Evolution of Institutional Economics. Agency, structure and Darwinism in American Institutionalism. London ; New York: Routledge, 2004.
 30. Tang S. A general theory of institutional change. London ; New York : Routledge, 2011.